

Александр Юрзин

В самом конце семидесятых к нам в лагерь приехало два новеньких вожатых Геня и Саня. Попали они в один корпус, где голопузая малышня души не чаяла в своих лидерах. Совсем недавно распрощавшись с портянками и дембельскими альбомами, новоиспеченные вожатые привнесли в лагерь колорит и дисциплину родимых армейских кубриков. Располагаясь на выселках, там, где раньше проходил забор, отделявший пионерский лагерь от детского сада, ребята жили своей собственной жизнью, изредка пытаясь вписываться в общелагерные мероприятия. К отрядам были приписаны еще и девочки вожатые, но они в этом мире имели слово, только если в корпусе не было мужчин.

Быстро ориентирующаяся мелюзга, четко расставила все по своим местам. Если вожатая, чтобы построить отряд, должна была бегать полчаса, хватая каждого октябренька за руку, то сурового мужского взгляда было достаточно, чтобы разогнавшийся до первой космической скорости головастик окаменел на лету и приземлился в то же мгновение на свое место в почесывающейся и вертящейся шеренге.

Специально для девочек-вожатых был изобретен следующий способ построения. Вожатая хватала кого-нибудь из пробежавших на расстоянии руки и говорила: «Построение».

Остановленный на полном скаку, хватал близ расположенного товарища и они в два горла начинали что есть силы кричать.

— Р-р-р-раз! Два-а-а-а! Три-и-и!

Толпа собиралась быстро, и ее горловые проявления быстро усиливались, как-будто к усилителю подключали новые и новые колонки. К счету «десять» весь отряд уже стоял перед корпусом, ловя взглядом настроение вожатых «Быстро мы, правда?»

Особенно зрелищно это смотрелось когда два отряда, перекрикивая друг друга, осуществляли образцовое построение наперегонки. И тут было главным, для летящих со всех ног малявок, не оступиться, не упасть, не поскользнуться, пролетая лужи, кусты и клумбы. С шумом и хохотом старшие отряды взирали на это зрелище, опасливо отходя в сторону, освобождая путь расхристанным мальчишкам и растрепанным девчонкам, для которых в этот момент ни чего не было главнее, как вернуться в шеренгу своего отряда до того, как прозвучит число «десять».

Проходя кавалерийским шагом вдоль шеренги вожатые, как и положено заслуженному сержанту, бросали своим подопечным:

— Нодельман, заправься! Смени рубашку. Антипчик, смени шорты и помой ноги — меньше по лужам бегай!

Я как-то забрел в их медвежий угол после отбоя. В корпусе стояла идеальная тишина, и только мячик пинг-понга отмечал звонким чпоканьем свои метания по разным половинам теннисного стола. Два угрюмых вожатых, молотя ракетками целлулоидный мяч, сопровождали свои действия отборной бранью, компенсируя невозможность проделать это при детях. Зато теперь, когда лагерь спит, они не сдерживали себя, припоминая все те моменты, когда наступали себе на горло, гася эмоции и подбирая слова, которые не отражали и сотой части того, что они хотели в этот момент произнести. Эти слова были особые, и для пионерского лагеря не подходили абсолютно, поэтому фразы: « Ну что, исчадия! Все вам в лоб сермяжную правду!» — или: « Рота! Спокуха на лице. Впереди мины и родители!» — имели постоянное хождение, частично компенсируя невозможность высказаться погорячее.

Несмотря на одинаковый подход к проблеме воспитания молодого поколения (за эталон был взят армейский опыт другого они не знали), это были совершенно непохожие личности.

Первый, Геннадий, достаточно грузный, с косой челкой прямых волос над носом, свисавшим как отморозенная морковь, и рыжими таракаными усами, любил побренчать на гитарке что-нибудь из репертуара Аркаши Северного, мнил себя интеллектуалом, и как многие представители этой прослойки общества был невосдержан в части горячительных напитков. Сказывалась профессия «испытатель» и опыт протирки спиртом стенда после очередного запуска. Зато профессиональный навык выручал, когда требовалось протереть висевшие на носу очки. Гена проделывал это мастерски, дыхнув вчерашним выхлопом на захватанное пальцами стекло линз и словно автомойка натирая их огромных размеров несвежим платком, взятым откуда-то из недр заднего кармана тренировочных штанов. Но о нем разговор в другом рассказе, а мы вернемся к его товарищу.

Товарища звали Александр Юрзин. Был он родом из города Химки, имел гимнастическое телосложение и развлекал пионеров и обитателей бассейна «Бучилло» тем, что выйдя в стойку на прямых руках на желобе горки для спуска в бассейн, делал отжимание и, резко оттолкнувшись, нырял головой в воду. Или, забравшись на четырехметровую высоту горки, съезжал по изогнутому желобу стоя на ногах, умудрившись при этом в последний момент оттолкнуться и, ласточкой взмыв вверх, войти в пучину почти без брызг. Дети безошибочно узнавали его по красным тренировочным брюкам, которые язык не поворачивается назвать штанами, поскольку был Александр человеком хозяйственным, аккуратным, несколько замкнутым. Он во многом не разделял пристрастия своего собрата по корпусу, но проявлял лояльность и терпение.

К пионерской жизни он присматривался издали, пытаясь найти закоулки, куда можно было вписать свое собственное видение этого процесса, но делал это осторожно, проверяя на себе все ее водовороты и подводные течения.

Будучи человеком дисциплинированным, он вставал по будильнику за полчаса до подъема и шел на планерку. Штудировал методики по работе с пионерами и тщательно выполнял обязанности дежурного по лагерю. Наконец, Александр переступил через себя и сыграл лешего в концерте вожатых. Вобщем, все круги пионерского ада он прошел, испытав их прелести на своей шкуре, и к концу второй летней оздоровительной компании стал вполне себе матерым пионервожатым. Отряд его превратился в космический корабль, где на каждой двери была табличка об обитателях, скрывающихся за ней.

Больше всего хлопот ему доставляла каюта, в которой по ночам вечно что-то скрипело, грохотало, передвигалось с места на место. В иллюминаторе начинались какие-то шорохи, лишь солнце садилось за горизонт, а под утро приходилось в нее стучать, поскольку обитатели, не слишком-то любившие будильник, ни то разломали его на шестеренки, ни то демонстративно игнорировали его хрипатые трели. Надпись на сумасшедшей двери гласила: «Каюта второго пилота Омега». Логин «Омега» был присвоен обитателю каюты за доминирующую кривую ее тела, конгруэнтную с изображением этой самой буквы греческого алфавита.

Проблема была в том, что его собственная каюта как раз имела с ней общую фанерную стенку. Иногда, осатанев от явного бесстыдства и недружеского к себе отношения, он, огрызаясь, стучал в деревянную переборку кулаком и требовал хорошо поставленным мужским басом.

— Наталья, ты хоть чаю завари!

На этот приказ, просьбу, негодование из-за стены доносилось мурлыкающее женское:

— Конечно, Санечка! Подожди минутку!

Минутка могла продолжаться и полчаса, и час. Иногда и в его каюте появлялись инопланетяне, безобразничая и пугая обитателей потаенными шорохами, заунывными вздохами и плачем болотных кикимор. Все было на порядок тише и кулуарней, но в этот момент из-за стенки доносился голос соседей:

— Юрзин! Чайник давай, а то вконец охрипли уж! Холод космический, легко и простудиться!

Полночный электрический чай, с баранками и кармельками. Сколько минут наслаждения он доставлял вожатым, особенно темными августовскими ночами! Ни сигаретка в ночи, ни бутылка вина так не согревали, как безыскусный кипятилок с невесть каким чаем, заваренным в стеклянной банке. Бывал тут и чай «Бодрость», и индийский «Три слона», и грузинский черный байховый. Обжигающий граненый стакан без подстаканника, с коричневой херостойкой, подчас без сахара, на фоне пузатого графина с рыжей, переполненной железом подмосковной артезианской водой, от которой горели кипятильники и нагревательные элементы чайника, был доступным чудом, которое не всегда ценили.

Мало в коллективе стать умелым вожатым, важно найти свое место в коллективе! А для этого надо соответствовать! Саня и это сумел.

Освоившись с пионерской работой и неказистым бытом вожатого, Александр был приглашен пред ясные очи профсоюзного комитета и комитета комсомола НИИ ТП, где ему было предъявлено решение поедешь старшим! Мол, время пришло, ты уже созрел, альтернативы не видим и все такое...

И началось! Районный пионерский штаб, городской пионерский штаб, инструктивный лагерь! Сколько еще было инстанций, чтобы выпустить мозги наружу нормальному вожатому-производственнику!

Надо сказать, что в районном пионерском штабе свое дело знали туго, парня просто так не бросили в океан с надувным лебедем на шее. Поскольку энциклопедии ему читать было некогда, энциклопедию с методическими инструкциями послали в лагерь вместе с ним. Ее звали Марина.

Эта девушка, миловидная пышка, обладала стальным характером и строила пионерскую работу в лагере четко по прямой, как будто запускала ракету по направляющей в одну ей известную точку горизонта.

Эполеты старшего вожатого обязывали, и Саня стал официальной, сдержанной в отношениях с товарищами, и только немногие видели, каких трудов ему стоило прятать лукавство и озорство, присущие ему за темными стеклами солнцезащитных очков. А если они и проявлялись, то рядом оказывалась Марина, которая в пионерской комнате доходчиво объясняла, в чем был неправ Макаренко. Короче, наступил момент, когда встал вопрос: «Ты с кем с коллективом или с Мариной?»

Может это и жестоко, но ситуация сложилась не из завидных. Можно было потерять и уважение, и способность вести за собой. Надо отдать должное Александру, он сумел примирить всех со всеми. И Марина стала ближе к народу, и народ перестал ершиться при ее появлении.

Вообще оказалась нормальная девчонка, притащившая в лагерь свою подругу хореографа, свою сестру - инструктора балльных танцев, несколько пионеров из РПШ (районного пионерского штаба), тоже танцевавших на паркете. Таких балльных танцев «Звездочка» не видела! Танцевали все от мала до велика! Вальс сменяла румба, дальше шла самба, а уж вальс с пасадоблем приходились на закуску. До сих пор на фотографиях тех времен вижу серьезные лица пионеров, фланирующих по паркету со своими партнершами как в лучших танцевальных залах. И ведь до сих пор народ вспоминает тот фестиваль танцев. Вот только год был 30-летия «Звездочки» или я что-то попутал.

Жаль, что Марина рано ушла из жизни. Прощаться с ней приехало много вожатых разных лет те, кто дружил с ней, и те, кто просто уважал. Бывший секретарь комитета комсомола Никита привез полковой духовой оркестр, и постоянно нервно поправлял жидкие волосы на молодой лысеющей голове, не зная, куда деть руки. Много было пролито слез, много сказано слов благодарности, а у меня перед глазами были лишь танцующие пионеры, а в голове слышалось: «Раз-два-три! Раз-два-три!»

Но как зарубка на сосне затягивается смолой и зарастает, так и в нашем лагере жизнь продолжала накручивать свои годовые кольца, а Юрзин следил, чтобы они ложились ровно.

В то лето мы начали крепить дружбу с «Дружбой», т.е. зава-лившийся Юрзин объявил, что сегодня в 23.00 на поляне возле п/л «Дружба» у нас будет дружеское мероприятие с целью установления приятных контактов с вожатыми соседнего лагеря.

Сказано-сделано! К указанному сроку на опушку стали подтягиваться молодые люди и девушки с двух разных направлений. Разожгли костер, раскинули скатерть-самобранку, откупорили бутылку-непроливайку! Бренчала ненавязчивая гитарка, слышался смех, тосты, наш вожатый Саша Федотов врубил свой переносной магнитофон «Электроника» и как заправский диск жокей объявил танцы. Группа «Смоки» заиграла композицию, где струнный оркестр делает много сольных запилов. На первых нотах мужская часть «Звездочки» как-то встрепенулась, построилась в ряды и начала имитировать игру на щипковых инструментах, закатывая глаза, разводя руками с мнимыми смычками и тряся в такт музыке головами, имитируя тонкое понимание и знание почти классической музыки. Короче, девушки остались без кавалеров. С трудом дождавшись конца композиции, девушки дружно похлопали и предложили очередной тост...

Как-то ненавязчиво пошел дождь. Не то что бы он сильно мешал, но сидеть на траве уже было неудобно, до рассвета было еще далеко, и народ как-то стал мало по малу рассасываться по кустам, тропинкам, освобождая место у костра, который медленно угасал.

Разбудил меня стук в дверь и приказ начальника лагеря всем вожатым срочно собраться на линейке. Требование было настойчивое, вставать не хотелось. Тело, разомлевшее в неге, сладко гудело. Мысли отказывались выстраивать калейдоскоп происшедшего ночью, но организм двадцатилетнего парня быстро победил утреннюю хандру и, соскочив со своего лежбища, я быстро натянул треники, футболку и, засунув босые ноги в модные кроссовки, резво направился через футбольное поле к центральной линейке. На линейке уже топталось несколько вожатых. Часы на руке показывали без четверти шесть.

Мягко говоря, глядя на народ, складывалось впечатление, что с этими людьми что-то не так. За исключением вожатых, коим вчера было отказано в участии, остальные вожатые имели вид не только странный, но и комический. Герой в трусах и гетрах с голым торсом, человек в черном костюме на голое тело и шлепаках, апаш в махровом халате и сеточке для волос... Последним на линейку добрел Саша Федотов, нежно прижимая к груди свой магнитофон, почему-то разделенный на несколько частей. Одет он был в розовые женские брючки, которые лишь прикрывали колени его длинных волосатых ног, яркую футболочку шитую люрексом с надписью «LOVE», а на ногах его были шлепки 36 размера с цветочками. Складывалось впечатление, что Саша ходил на гоп-стоп и ограбил девочку 3 отряда, а что бы поглумиться над ребенком, он напялил ее одежду на свое почти двухметровое тело.

— Где Юрзин? — сурово спросил начальник лагеря, осматривая нашу разномастную толпу. Не пираты, не паяцы мы представляли труппу театра абсурда. Старшего вожатого не было. Любые попытки отыскать его к положительному результату не привели. Над толпой незримо висел легкий шлейф вчерашнего амбрэ, как воспоминания о встрече с вожатыми п/л «Дружба».

— Пошли все вон! — в сердцах рявкнул начальник лагеря и, развернувшись, пошел на свой хоздвор.

Ну и правильно! Долгое лицемерие подобного коллективчика могло попортить не только нервы, но и разум любого, пусть даже самого крепкого начальника лагеря.

Чуть позже нам рассказали причину столь ранней утренней побудки.

У начальника п/л «Дружба» за домом был целый комбинат по выращиванию промысловой птицы — кур, гусей, уток. Все это чрезвычайно положительно влияло на закрытие летней оздоровительной кампании, в части разнообразия меню на прощальном банкете. И вот два наших замечательных вожатых, проводив девушек из «Дружбы» до мест их обитания, решили, что раз мы теперь друзья, то значит и в доле тоже. Вот они и залезли на ферму

начальника, свою долю забрать. Понятно, что потерянные в лесу у костра координата и твердая поступь, не помешала друзьям открыть клетки и устроить отлов диких промысловых птиц. Просто это действие сопровождалось громким кудахтаньем, шумом падающих ящичков и тележек, и магическими заклинаниями ловцов, в каждом из которых они поминали своих матерей. Отобрав из пятидесяти экземпляров тех, что удалось поймать, счастливые охотники со своей долей пошли лесной дорогой домой, крепко держа добычу подмышкой и ненавязчиво начав щипать ее в целях экономии времени на разделку.

Проснувшийся начальник застал только финал - разоренную ферму, разбежавшуюся птицу, разваленные ящики и инвентарь. Собрав бригаду спасателей из добровольцев хоздвора, они стали размышлять, кто мог наделать подобный разгром. На лису было не похоже - мелковата, на медведя тоже вроде не водится в здешних местах. Размышляя, они вышли за забор и увидели перышки, по которым дошли аккуратно до пионерского лагеря «Звездочка», где в корыте умывальника и обнаружили одного из бедолаг со всеми следами преступления налицо, спящего с младенческой улыбкой на устах. Разбудив нашего начальника, они предъявили свои доказательства и претензии, что было немедленно компенсировано из «капитанского» запаса первосортного спирта. Отправив начальника и его команду на машине обратно в «Дружбу», начальник решил, вопреки своему зароку не влезать в вожатские дела, спросить у старшего вожатого, а заодно и всех остальных, что сподвигло молодых людей на сей славный подвиг. Однако, его дерзновенный порыв разбился о сермяжный быт вожатского коллектива.

Юрзина искали до обеда. После обеда он объявился живым и здоровым. На любые вопросы отвечал односложно : «Без комментариев!» Прошло несколько дней, прежде чем по лагерю пополз слух, что Сашка, покинув лесную поляну, пошел в ночи по другой дороге и вышел из леса, когда всюду светило солнце в районе деревни Ляхово, что за 4,5 км от нашего поворота на Минской трассе. Спортивный парень, весь ночной кайф улетучился в

момент, и он с энтузиазмом марафонца легкой трусцой двинулся в сторону родных пенатов. Спортивная форма и железный характер помогли ему совершить этот незабываемый марш-бросок. А мы, каждый раз проезжая деревню Ляхово, вспоминаем, что и здесь побывали люди из нашего лагеря, расширив ареал влияния «Звездочки» на неохваченные культурой народы Подмосковья.

Зато в лагере его встретили как героя. Все моментально забыли его излишний официоз, попытки вести нас по прямой, начертанной Мариной. Это снова был наш Леший, наш Сашка, наш Юрзин! Но ни кто и ни когда не упрекнул его в ошибке по топографии, но каждый знал, что Сашка такой же, как мы, со всеми заворотами, чужинкой и оголтелой любовью к детям, просто он на должности. А должность обязывает!